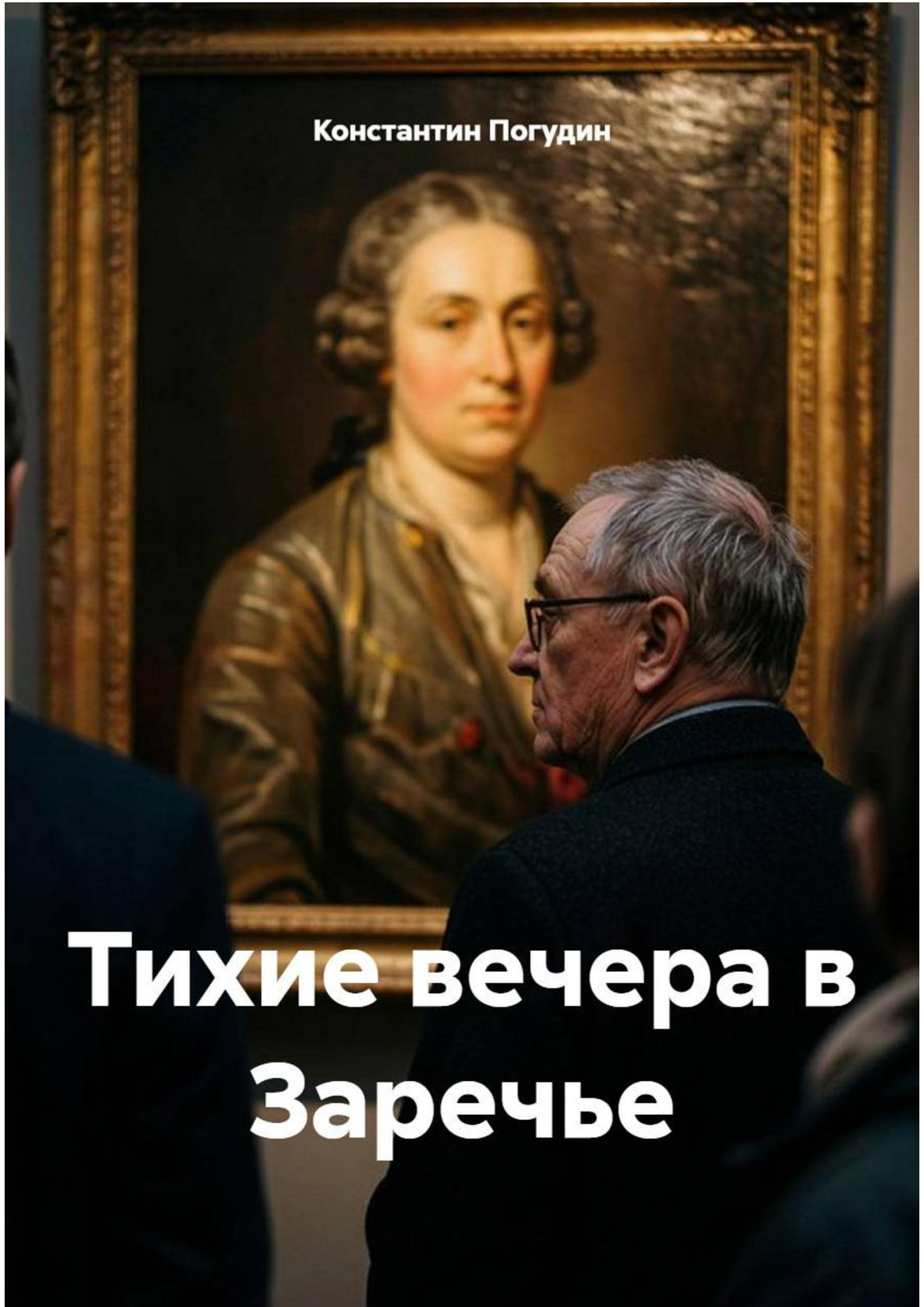

A photograph of an elderly man with grey hair and glasses, seen from the side, looking at a large, ornate portrait of a woman in a museum. The portrait is of a woman with powdered hair, wearing a dark coat with a white collar and red buttons. The man is wearing a dark jacket. The background is dark and out of focus.

Константин Погудин

Тихие вечера в Заречье

Константин Погудин

Тихие вечера в Заречье

«Автор»

2026

Погудин К.

Тихие вечера в Заречье / К. Погудин — «Автор», 2026

Заречье: тихий районный городок, где все друг друга знают. В старой усадьбе Воронцовых-Ланских директор музея Тамара Сорокина открывает выставку реставрированного «Портрета неизвестной» и на глазах у шестидесяти гостей произносит тост, после которого падает замертво. Перед смертью она успевает шепнуть всего одно слово: «зарянка». Расследование берут на себя участковый Денис Рябов и бывшая заведующая библиотекой Нина Аркадьевна, которая вяжет, слушает сплетни и замечает то, что не видят профессионалы. Тридцатилетняя тайна исчезнувшей сотрудницы музея, шифр в красках, подброшенные улики и ночная засада у старой веранды ведут к развязке, где убийцей оказывается тот, кого меньше всего ждёшь.

© Погудин К., 2026

© Автор, 2026

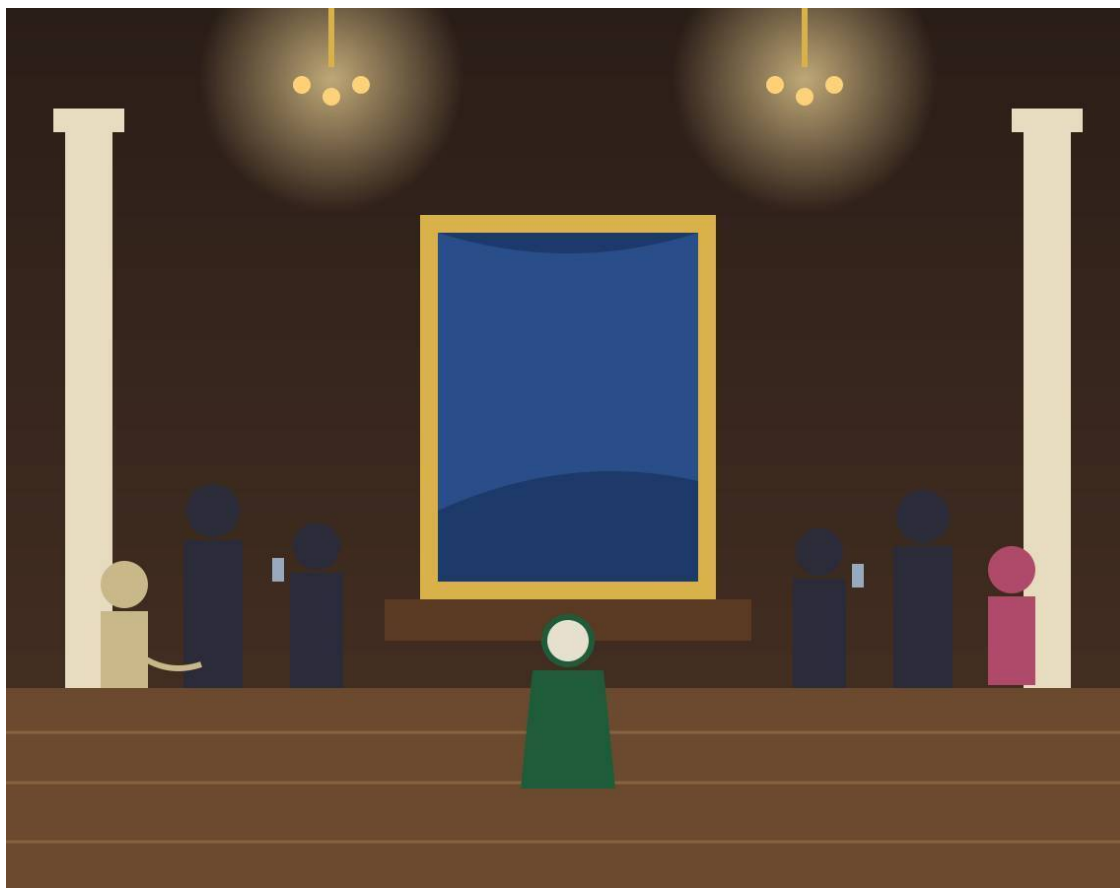
Содержание

Глава первая. Открытие выставки	5
Глава вторая. Портрет неизвестной	9
Глава третья. Чашка чая	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Константин Погудин

Тихие вечера в Заречье

Глава первая. Открытие выставки

Ярославская область · наши дни

В Заречье вечер всегда наступал раньше, чем в Москве. Нина Аркадьевна Лебедева давно заметила это и объясняла просто: у них там много света, и он быстро заканчивается, а у нас его мало, и мы бережём.

Последний четверг октября выдался сухим и ясным. Над рекой стоял тонкий туман, на липах вдоль улицы Ленина висели последние жёлтые листья, и в окнах пятиэтажек по одному зажигались огни. Нина Аркадьевна шла по тротуару медленно, с палочкой, в которой не нуждалась, но которую брала для солидности, и вязаная сумка с клубком мохера покачивалась у неё на локте.

— Нина Аркадьевна! Подождите, я с вами!

Её догоняла Люба Прокофьева, учительница биологии, в красном пуховике и на каблук-ах, абсолютно неуместных в октябре. Ей было сорок два, она вечно куда-то опаздывала, и Нина Аркадьевна когда-то учила её читать.

— Люба, вы же каблук-и сломаете.

— Я для Тамары Викторовны. Она сказала, что будет вся районная администрация, и ещё какой-то телеканал. — Люба перевела дыхание. — А вы вязание зачем взяли? Там же банкет.

— Привычка. Руки без дела не могут.

— Вы там всё время вяжете. Это на всех нервы действует.

— Пусть. — Нина Аркадьевна улыбнулась. — Когда человек видит, что кто-то занят спичками, он перестаёт следить за лицом.

Люба посмотрела на неё с недоумением, но спрашивать не стала. Они прошли мимо аптеки, закрытого магазина «Ткани», мимо здания администрации с облупившимся гербом на фасаде и свернули к парку, за которым, на пригорке над рекой, стояла усадьба.

Усадьба Воронцовых-Ланских была самым красивым зданием в районе, и все в городе об этом знали, но замечали редко. Как замечают родную мать. Двухэтажный дом с мезонином и белыми колоннами, жёлтые стены, зелёная крыша, парк с прудом, в котором когда-то разводили карпов. В девяностые здесь размещался склад удобрений, потом пустовал, потом чудом уцелел. Восстановили его уже в двухтысячных, и всё это время музеем руководила одна женщина.

Тамара Викторовна Сорокина встречала гостей на крыльце.

Ей было пятьдесят восемь, она была высокая, прямая, с короткой седой стрижкой и тонким профилем, как у римской императрицы на монете, и в тёмно-зелёном бархатном платье с брошью-камеей выглядела так, будто владела усадьбой по праву рождения, а не по приказу районного отдела культуры. Она пожимала руки, кивала, находила для каждого слово, и каждый уходил с ощущением, что его заметили.

— Нина Аркадьевна. — Сорокина слегка наклонила голову. — Я рада, что вы пришли.

— Вы же приглашали лично.

— Приглашала. — Тамара Викторовна на мгновение задержала её руку в своей. Пальцы у неё были холодные. — После церемонии мне нужно будет поговорить с вами. Недолго. Это важно.

— О чём?

— После. — Она отпустила руку и повернулась к следующему гостю, и лицо её мгновенно приняло прежнее приветливое выражение. — Игорь Павлович, как хорошо, что вы приехали!

Нина Аркадьевна поднялась по ступенькам, чувствуя странное, давно забытое покалывание в затылке. Так бывало, когда на читательском формуляре вдруг обнаруживалась фамилия человека, давно уехавшего из города.

В большом зале, который раньше был балным, а теперь назывался «экспозиционным», горели все люстры. Вдоль стен, на специальных подставках, стояли витрины с керамикой и старинными вышивками, у окон накрыли фуршетные столы, а в дальнем конце зала, на возвышении, висело что-то, закрытое тёмно-синим покрывалом. Рядом с ним стоял молодой человек в строгом костюме и по телефону говорил шёпотом: «Да, всё готово, нет, я не нервничаю».

Гостей было много. Нина Аркадьевна давно научилась узнавать людей по тому, как они держат бокалы.

Борис Сергеевич Гаврилов, заместитель главы района, стоял у центрального стола с шампанским и говорил с двумя женщинами из отдела культуры. Он был плотный, румяный, с аккуратной лысиной и пиджаком, расстёгнутым ровно настолько, чтобы показать галстук. Бокал он держал за ножку, высоко, как человек, привыкший произносить тосты.

У окна, в окружении двух молодых людей с камерами, стояла Алина Сорокина, племянница директора, двадцати шести лет, блогер, в светлом брючном костюме и с телефоном, который она держала перед собой как зеркальце. Она что-то говорила в экран, смеясь, поворачивая голову то вправо, то влево.

— Ребята, вы видите, какая красота? Это Заречье, мои корни. Через час вы узнаете, что тут находится на самом деле...

— Алина, потише, — сказал кто-то рядом.

— Это же для эфира, дядя Лёва.

Дядя Лёва оказался высоким, сутулым мужчиной лет пятидесяти пяти с густой седой бородой и усталыми глазами: Лев Борисович Каминский, реставратор из Москвы, тот самый, которого Сорокина полгода назад привезла в Заречье и поселила в бывшем флигеле. Говорили, что он лучший специалист по темперной живописи в стране, что он отказался от работы в Эрмитаже, что ему здесь платят неприлично много. Говорили всякое.

— Лев Борисович, — сказала Нина Аркадьевна, подходя. — Волнуетесь?

— Ужасно. — Он слабо улыбнулся. — Полгода над этим портретом, и теперь, когда покрывало снимут, я боюсь, что всё увижу заново, со стороны. И пойму, что сделал не то.

— Вы сделали то. Я знаю.

— Откуда?

— Потому что вы боитесь. Бездарности не боятся.

Каминский рассмеялся, и Нина Аркадьевна пошла дальше.

У окна на втором плане стоял Игорь Павлович Широков, хозяин агрохолдинга «Заречный». Крупный, спокойный, лет пятидесяти, в хорошем сером пальто, которое он не снял, он разговаривал с Борисом Гавриловым, и разговор, судя по их лицам, был не из приятных. Широков говорил тихо, почти не двигая губами, Гаврилов слушал, чуть наклонившись, и в какой-то момент поставил бокал на подоконник, будто не мог больше его держать.

За колонной Пётр Ильич Соловьёв, местный краевед, семидесяти трёх лет, в мятом пиджаке и с неизменным портфелем, объяснял что-то студентке из педагогического колледжа. Вера, тоненькая, русая, лет двадцати, в чёрной юбке и белой блузке, как положено практикантке, кивала с очень вежливым выражением человека, у которого болят ноги. А у входа в служебный коридор экономка Зоя Фёдоровна, пожилая, полная женщина в синем платье, сверяла что-то по списку, и губы её шевелились беззвучно.

И наконец, у стены под фотографией старой усадьбы, в одиночестве, стоял врач районной больницы Андрей Васильевич Михайлов, тридцати восьми лет, с усталым красивым лицом человека, которому по ночам звонят по телефону. Он смотрел на закрытый портрет, и по выражению его лица Нина Аркадьевна поняла, что он думает не о картине.

— Скучаете, Андрей Васильевич?

— Что? — Он вздрогнул. — Нет. Просто... Тамара Викторовна позвала, отказываться было неудобно.

— Она умеет звать.

— Да. — Он помедлил. — Вы замечали, что она в последнее время какая-то... нервная?

— Замечала.

— Вот и я. — Он потёр переносицу. — Странно всё это.

— Нина Аркадьевна.

Рядом возник Денис Рябов, участковый уполномоченный, двадцати девяти лет, в форме, которая на нём сидела чуть слишком аккуратно, как на человеке, который ещё не привык. Худой, светловолосый, с серьёзными серыми глазами, он приехал в Заречье полтора года назад из Москвы, и в городе до сих пор спорили, за что его сюда сослали.

— Денис. Вы на службе?

— Вроде того. Тамара Викторовна просила присутствовать. Говорит, на всякий случай. — Он пожал плечами. — Какой тут может быть случай? Шампанское и три селфи.

— Вы у нас давно?

— Полтора года.

— И ничего не заметили?

— В смысле?

— Ни в каком. — Нина Аркадьевна достала из сумки клубок и спицы. — Просто посмотрите на людей. В этом зале восемь человек, которые смотрят не на картину и не друг на друга, а на Тамару Викторовну. И все по-разному.

Рябов огляделся. Ему показалось, что он видит обычную толпу: люди разговаривают, пьют, смеются. Но когда он присмотрелся, понял, что она права. Гаврилов, поймав взгляд Сорокиной, быстро отвернулся. Широков смотрел прямо, без выражения, как смотрят на витрину. Алина ловила в объектив её профиль, но каждый раз опускала камеру. Врач Михайлов чуть заметно сжимал пальцы.

— Это ничего не значит, — сказал он. — Она директор. Она всех в городе держит в руках.

— Вот именно. — Нина Аркадьевна воткнула спицу в петлю. — Это и значит.

В восемь часов вечера свет в зале слегка притушили.

Тамара Викторовна вышла к возвышению, поправила брошь и взяла микрофон. Голос у неё был низкий, ровный, и зал мгновенно затих.

— Дорогие гости. Дорогие земляки. Двадцать три года назад, когда я впервые вошла в этот дом, здесь не было ни пола, ни крыши, ни единого целого окна. Мне говорили: оставьте, это безнадёжно. Я не оставила.

Раздались аплодисменты. Она подняла руку.

— Сегодня мы открываем не просто выставку. Сегодня мы возвращаем городу то, что у него было украдено. «Портрет неизвестной» работы неизвестного мастера, написанный в 1789 году в этой самой усадьбе, считался утраченным двести лет. Он найден, спасён и восстановлен. И сейчас вы увидите его впервые.

Она сделала знак. Молодой человек в костюме и Каминский, встав по обе стороны возвышения, взяли за края синего покрывала.

— Но прежде чем мы это сделаем, — сказала Тамара Викторовна, и голос её вдруг стал тише, — я хочу сказать одну вещь. Я многого не знала об этом портрете, пока не начала работать. Я думала, что это просто красивая картина. А оказалось, что это ответ на вопрос, который в нашем городе боялись задать больше тридцати лет.

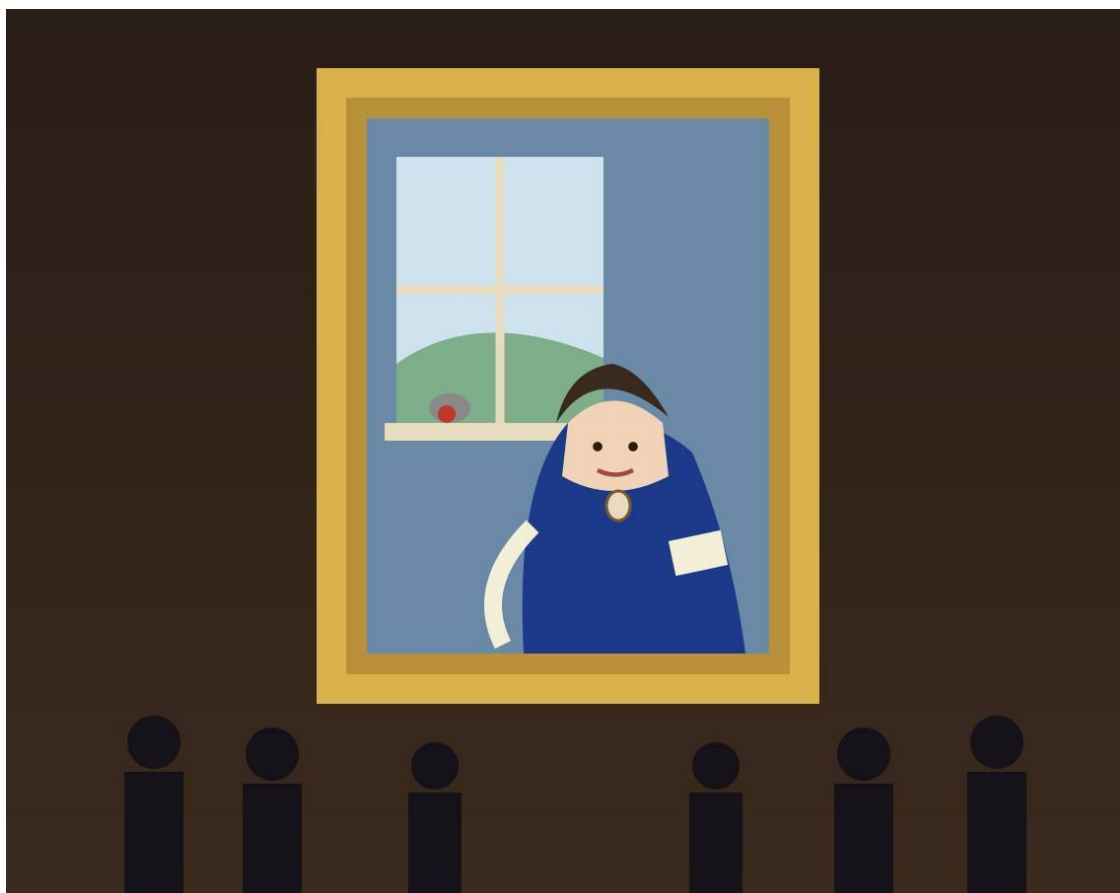
В зале стало совершенно тихо. Нина Аркадьевна, не отрываясь от вязания, увидела, как Гаврилов медленно поставил бокал. Как Широков выпрямился. Как Алина перестала снимать. Как Зоя Фёдоровна замерла у дверей с прижатым к груди списком.

Тамара Викторовна улыбнулась.

— Снимайте.

Покрывало упало.

Глава вторая. Портрет неизвестной

Секунду в зале не происходило ничего. Потом кто-то сзади ахнул, кто-то сказал «ну надо же», и по рядам прошёл тот особенный шелест, с каким люди вдыхают одновременно.

С золочёной рамы, в которой холст казался окном, смотрела молодая женщина.

Ей было лет двадцать пять. Она стояла вполоборота у открытого окна, в платье цвета глубокой синей воды, с белой шалью, соскользнувшей на локоть, и в правой руке держала сложенное письмо. Лицо у неё было не красивое, а живое: высокий лоб, чуть вздёрнутый нос, тёмные внимательные глаза, и в уголках губ пряталась та полуулыбка, которую художники XVIII века почти никогда не рисовали. За её спиной, в раме окна, виднелась река и холмы, и на подоконнике сидела маленькая серая птица с красной грудкой.

На платье, у самого воротника, поблёскивала брошь: овальная камея с женским профилем.

— Господи, — вырвалось у Любы Прокофьевой. — Она живая.

— Это и есть цель реставрации, — негромко сказал Каминский.

Аплодисменты начались неуверенно, потом окрепли. Гаврилов хлопал громче всех, с привычной оживлённой улыбкой, но Нина Аркадьевна, не прекращая вязать, заметила, что смотрит он не на картину, а на Тамару Викторовну, и взгляд у него растерянный, будто ему вручили чужую сумку.

Широков не хлопал. Он стоял со сложенными на груди руками и рассматривал портрет с профессиональным вниманием человека, оценивающего вложение.

Пётр Ильич, краевед, шагнул вперёд и остановился, прижав портфель к груди. Губы его беззвучно шевелились.

— Пётр Ильич, — тронула его за рукав Вера. — Вам нехорошо?

— Нет, милая, нет. — Он смотрел на картину, не отрываясь. — Только... я думал, она будет другая.

— Какая?

— Не знаю. Старше.

А врач Михайлов, стоявший у стены, вдруг развернулся и быстро вышел из зала, как человек, у которого зазвонил телефон. Но телефон, как успела заметить Нина Аркадьевна, молчал.

Лев Борисович Каминский взял микрофон.

Он был плохим оратором, и это сразу стало ясно: говорил отрывисто, глядя в пол, поправляя очки, но слушали его так, как слушают людей, которым действительно есть что сказать.

— Я хочу рассказать, как мы её нашли. Это недолго.

Зал притих.

— В девяносто третьем году в усадьбе, тогда ещё складе удобрений, при разборке стен мезонина рабочие обнаружили тайник. За фальшивой панелью лежал холст, завёрнутый в просмоленную парусину. Это и был портрет. Тогда его сочли ценной находкой, составили акт, передали в областной музей. И на этом след терялся на тридцать лет.

Нина Аркадьевна перестала вязать.

— Он не потерялся физически. Он числился в запасниках, в картонном тубусе, без номера, с пометкой «дар района, дарителя нет». Его никто не изучал, потому что картина была в ужасном состоянии: лак пожелтел, красочный слой осыпался, холст в пятнах. Полгода назад Тамара Викторовна разыскала его в Ярославле, забрала и привезла сюда. Я начал работать. И чем дальше работал, тем больше понимал: мы смотрим на редкую вещь. Автор неизвестен, но школа... школа очень высокая. Возможно, ученик Левицкого. Возможно, сам Левицкий в молодости.

По залу прошёл гул.

— Но самое интересное я нашёл не на лицевой стороне. — Каминский поднял глаза. — На обороте подрамника, под слоем грязи, обнаружилась надпись. Не XVIII века. Позднее. Карандашом, почти стёртая. Мы расшифровали её только на прошлой неделе при косом свете. Там инициалы и дата. «О. Е., семнадцатое сентября девяносто третьего».

Тишина в зале стала другой. Не торжественной, а плотной, как перед грозой.

— Кто такая О. Е.? — спросила Алина, всё ещё держа телефон перед собой. — Дядя Лёва, вы мне ничего не говорили.

— Потому что не знал, — сказал Каминский. — Знала Тамара Викторовна.

Все повернулись.

Сорокина стояла у возвышения, чуть опираясь на спинку стула. В свете люстр её лицо казалось бледнее, чем десять минут назад, но голос не изменился.

— Не будем спешить, Лев Борисович. Сегодня праздник. Тайны подождут.

— Тамара Викторовна, — раздался голос с места. Гаврилов, улыбаясь, шагнул вперёд, и в этой улыбке была вежливая попытка остановить. — Давайте всё-таки без загадок. У нас пресса, у нас люди. Картина прекрасная, реставратор молодец, давайте поздравим друг друга и пойдём к столу.

— Борис Сергеевич, — сказала Сорокина, — вы всегда торопитесь к столу.

Кто-то коротко засмеялся, но тут же замолчал.

— Хорошо. — Она повернулась к залу. — Я скажу только одно, а подробности будут завтра. «О. Е.» это Ольга Ермакова. Она работала в этом доме. В тот день, семнадцатого сентября девяносто третьего года, она нашла портрет. И в тот же день пропала.

По залу пронеслось, как по траве, дыхание.

— Пропала? — переспросила Люба Прокофьева. — Это когда... девяносто третий... Я помню что-то, но не...

— Об этом в городе не говорили, — тихо сказала Сорокина. — Милиция посчитала, что она уехала сама. Дело закрыли. Тридцать лет мы все делали вид, что ничего не случилось. Я тоже. Мне стыдно.

Она помолчала.

— Но портрет вернулся, и вместе с ним вернулся вопрос. Завтра утром я передам в районное управление Следственного комитета всё, что накопилось. Документы, показания, всё. Я хочу, чтобы Ольгу наконец нашли.

Никто не шелохнулся. Нина Аркадьевна, глядя на лица, поймала то, что искала: не страх, не гнев, а на долю секунды у трёх разных людей одно и то же выражение, как у человека, которого окликнули по давно забытому имени.

Первым опомнился Рябов. Он не двигался с места, но Нина Аркадьевна видела, как напряглись его плечи: он слушал слова «Следственный комитет» и понимал, что только что стал свидетелем того, что в рапорте можно назвать публичным заявлением о преступлении.

— Денис, — шепнула она. — Не вмешивайтесь пока.

— Но...

— Пока.

Тем временем Алина, выключив камеру, тихо подошла к тётке.

— Тётя Тома, ты с ума сошла. Зачем ты сейчас?

— Затем, что завтра будет поздно, — ответила Сорокина, так же тихо. — Иди к гостям.

Она выпрямилась. К ней, осторожно, как всегда, подошла Зоя Фёдоровна с подносом, на котором стояла белая фарфоровая чашка с синей каймой. Тамара Викторовна не пила ни шампанского, ни вина, на всех приёмах она держала в руках только эту чашку с чаем, заваренным по её рецепту, с чабрецом и каплей лимона, и весь город знал об этом. Говорили даже, что чашка у неё одна и та же, ещё с девяностых.

— Спасибо, Зоя Фёдоровна.

— Пожалуйста, Тамара Викторовна. Горячий.

— Я хочу сказать тост.

Она взяла чашку двумя руками, как берут воду, и подняла её над головой. В зале зашепестели, потянулись бокалы.

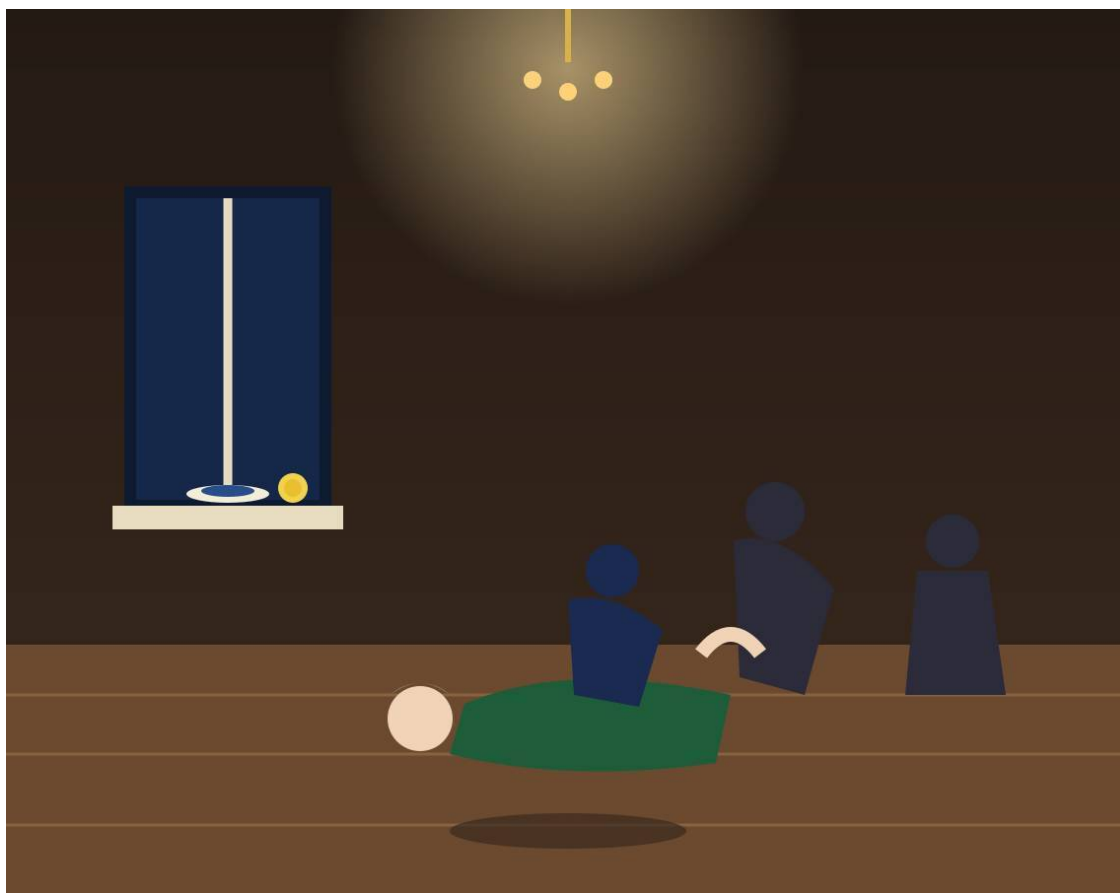
— За тех, кого здесь нет, — сказала Тамара Викторовна. — И за правду, которая всегда возвращается. Даже если для этого приходится прождать тридцать лет.

Она поднесла чашку к губам.

Нина Аркадьевна смотрела на неё и вдруг, неожиданно для самой себя, подумала: она знает, кто.

Но додумать не успела.

Глава третья. Чашка чая

Нина Аркадьевна потом много раз вспоминала эту минуту и всегда видела её одинаково: люстры, поднятые бокалы, тонкий пар над белой чашкой с синей каймой, и лицо Тамары Викторовны, спокойное, чуть торжественное, как у человека, который произнёс то, что носил в себе давно.

Сорокина отпила глоток. Потом второй.

— Горчит, — сказала она вполголоса, не то Зое Фёдоровне, не то себе. — Зоя, вы лимон другой взяли?

— Тот же самый, Тамара Викторовна, из вашей вазочки. Только Верочка нарезала, я не успела.

— Вера?

— Ну да, я... — Практикантка, стоявшая неподалёку, быстро шагнула вперёд. — Вы же сами просили помогать с чаем. Я нарезала кружком, как обычно. Что-то не так?

— Нет. — Сорокина слабо улыбнулась. — Всё хорошо. Просто горький.

Она поставила чашку на блюдце и повернулась к залу.

— Итак, дорогие мои. Теперь прошу всех к столам. Музыканты ждут. Алина, не снимай меня, пожалуйста, у меня, кажется, нос блестит.

Раздался смех. Зал пришёл в движение. Кто-то двинулся к фуршету, кто-то остался у портрета, музыканты, трое молодых людей в чёрном, взяли в руки скрипку, виолончель и гитару и заиграли что-то негромкое, старинное, похожее на «Ямщик, не гони лошадей».

Нина Аркадьевна вернулась к вязанию, но через минуту почувствовала, как кто-то дёрнул её за рукав.

— Нина Аркадьевна. — Тамара Викторовна стояла рядом, и лицо её теперь было какого-то странного, восковисто-бледного цвета. — Можно вас на минутку?

— Конечно. Вам нехорошо?

— Нет. Голова. И пальцы онемели. — Она попыталась улыбнуться. — Наверное, от волнения. Идёмте в кабинет, я вам расскажу.

— Тамара Викторовна, сядьте, — сказала Нина Аркадьевна, беря её под локоть. — Денис!

— Не надо суеты. — Сорокина сделала шаг и остановилась. Рука её дрогнула, и она посмотрела на собственные пальцы, как на чужие. — Странно. Я не чувствую...

— Вы что-нибудь ели?

— Нет. Только чай.

— Тамара Викторовна...

— Нина Аркадьевна. — Голос её стал тише, а глаза расширились. Она схватила Нину за запястье с неожиданной силой. — Слушайте. Я хотела... Это про Ольгу. Про портрет. Там не только дата. Спросите... про зарянку.

— Про какую зарянку?

— Про птицу. На подоконнике. Это не просто...

Она не договорила. Колени у неё подогнулись, и в ту же секунду зал, где ещё секунду назад звучала музыка, вздрогнул от резкого, хриплого вдоха.

Тамара Викторовна упала не театрально. Она просто осела вниз, как оседает занавес, когда обрывается шнур, и Нина Аркадьевна, державшая её, не удержала и опустилась на колени рядом на паркет. Чашка с блюдцем, оставленная на подоконнике, звякнула.

— Скорую! — крикнул Рябов. Он уже был рядом, расталкивая гостей. — Всем отойти! Дайте воздуха!

— Господи! — Зоя Фёдоровна сидела на полу в трёх шагах, прижимая ладони ко рту. — Господи, Тамарочка!

— Андрей Васильевич! — Рябов оглянулся. — Врач! Где врач?

Михайлов появился почти сразу: влетел в зал бегом, расстегивая пиджак, и Нина Аркадьевна машинально отметила, что он тяжело дышит и что у него мокрые волосы, как будто он только что умывался. Он упал на колени, нащупал на шее пульс и замер.

— Пульса нет, — сказал он глухо.

— Как нет? — Гаврилов, бледный, как полотно, стоял над ними. — Она же только что...

— Она говорила, у неё онемели пальцы, — сказала Нина Аркадьевна. — Минуты две назад. Потом упала.

Михайлов, не отвечая, склонился над Сорокиной, откинул ей голову и начал непрямой массаж сердца, быстро, сильно, считая вслух. Алина всхлипывала у стены, закрыв рот ладонью. Широков стоял неподвижно, засунув руки в карманы пальто, и смотрел на происходящее с мрачным вниманием. Каминский, прижав очки к переносице, повторял: «Не может быть, не может быть».

Скорая приехала через двадцать семь минут.

За это время зал опустел. Рябов, вытерев лоб, организовал всё, что мог: гостей вывел в вестибюль, у входов поставил двоих знакомых мужчин из числа гостей, двери экспозиционного зала закрыл. Но к приезду врачей Тамара Викторовна уже не дышала. Михайлов продолжал массаж до последнего, пока санитар не взял его за плечо и не покачал головой.

— Всё, коллега, — сказал фельдшер. — Время смерти двадцать один сорок.

Михайлов сел на пол, прислонившись спиной к стене, и закрыл лицо руками.

В зале остались четверо: Рябов, Нина Аркадьевна, Михайлов и тело под белой простынёй, которую кто-то принёс из подсобки. Фельдшеры ушли за каталкой. Из вестибюля доносились приглушённые голоса, и время от времени кто-то заглядывал в дверь и тут же исчезал.

— Причина смерти? — спросил Рябов.

— Остановка сердца. — Михайлов поднял голову. Лицо у него было серое. — Внезапная.

— Это сердце или нет?

— Она никогда не жаловалась. Я лечил её три года, у неё была идеальная кардиограмма. — Он помолчал. — Но симптомы... онемение пальцев, потом аритмия, остановка. Это не похоже на инфаркт.

— На что похоже?

— Не знаю. — Михайлов посмотрел на простыню. — Я не токсиколог. Но если бы мне нужно было сказать... это похоже на отравление.

Рябов не пошевелился. В его лице не было ни испуга, ни удивления, только осторожное выражение человека, который понимает, что только что вышел из зоны покоя.

— Вы уверены?

— Нет. Я сказал: похоже.

— Что могло быть?

— Много чего. Алкалоиды. Растительные яды. Аконитин, например, даёт именно такую картину: покалывание, онемение, нарушения ритма. Но это только предположение. Нужна экспертиза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.